

Всеволод Алферов

Логово снов

Их одежды цвета тумана, белены и макового молока, а речи их полны лжи и видений. Их храм называется Домом Снов, но правильней назвать его Домом Дурмана — в месте, где он стоит, из-под земли исходят испарения: они туманят взгляд, путают мысли и насылают мороки.

Жрецы поклоняются Дритáну, Владыке Снов и Белому Господину: тому, что не владеет землей, стадами и храмовыми дружинами — но к его голосу прислушиваются цари. Его голосу — а также его слуг. Как видите, и от дурмана бывает толк, ведь кто из жрецов могущественней белых?

Мённеф Летописец

Он вошел в Дийяр на рассвете, вместе с полусотней путников.

По холмам от реки расползлся туман, грязными лохмотьями укутал стены и башни. Они все ждали и тихо переговаривались — точно не решаясь потревожить предутреннюю мглу: крестьяне, торговцы, горожане, кому не посчастливилось жить в пределах стен... Как они уживаются со своим заработком? Каждый день встают затемно, чтобы часы спустя добраться до склада или причала в гаванях? Тáмес признал, что не имеет понятия. Он был во многих уголках Царства, но городская жизнь оставалась для него загадкой. Слишком редко он выбирался за пределы чисто убранных кварталов.

Тяжелые, окованные медью створки натужно заскрипели — аккуратно, когда над крышами поплыл низкий гул. Сердце Атáмы, бронзовый гонг в храме времени — он первым возвещал новый день. Ему вторили низкие и высокие, грубые и звонкие голоса гонгов со всего города. Было приятно вновь оказаться в месте, где измеряют время. Ученый дал зарок никогда впредь не пускаться в столь долгий путь.

— Полумесяц за вход, четыре за провоз телеги! — крикнул одетый в серое стражник.

— Как пройти... — начал Тамес и вложил в его ладонь медь, но тот лишь закричал:

— Медяк за вход! Живей, не то не поспеете до караванов!

Он пересек гулкий зал на нижнем этаже башни и вышел с другой стороны, на пыльную привратную площадь. Солнце пока не добралось до побеленных стен, однако купола горели огнем, а мрамор верхнего города слепил глаза. Здесь были дикари из Рассветных королевств: белочицы, светловолосые, в штанах вместо шаровар и бесформенных рубахах. Встречались и степняки с юга, и пара наемников, и жрец в накидке из вороньих перьев... Ученый понял вдруг, что не знает, как себя вести с этими людьми. Он привык к меценатам. Те слушали его речи, спорили до хрипа — но никто не норовил схватиться за нож.

— Мир твоему дому, — Тамес обратился к торговцу, что продавал фрукты и жареный миндаль. — Как мне пройти к Дому Снов?

— С заката? — прищурил глаза лоточник. Седая борода его и одежда пропитались пылью.

— Я из столицы, — кивнул ученый.

— Видишь на холме белое здание? Это ложа торговцев. От взвоза, что ведет вверх, иди по Священной дороге. Бери в первую улицу налево. Там спросишь. Тебе скажут.

— Спасибо...

Тамес направился прочь, но торговец схватил его за рукав.

— Эй, а медь?

Потертая монетка поменял владельца, и ученый усмехнулся: похоже, деньги малому приносил не только товар.

Он дал себе время получше узнать город, и то было его ошибкой. Купцы Дийяра кичатся могуществом, но Сакр еще двести лет назад писал, что все деньги не выпрямят кривые запутанные улочки. Когда-то Дийяр стоял на холмах посреди болотистой низины. То, что

прежде помогало держать оборону, стало проклятием: чем больше денег текло по Золотому тракту, тем гуще строились дома и уже становились улицы. Неровные кирпичные стены обступили Тамеса. Три, четыре... однажды он насчитал все шесть этажей.

Выложенные плитами ступени. Спуск, поворот, алтарь Великой Матери...

На пяти холмах стоял гордый и грязный Дийяр, и все пять были копией друг друга. На каждом высились дворцы из мрамора, а широкие улицы, сбегая со склонов, тут же терялись в сети подворотен и закоулков.

Тамес готов был взвыть в голос.

Этого следовало ожидать... Он с самого начала знал, что его не примут с распростертыми объятиями, а стоит дийярцам узнать, зачем он пришел — кто знает, не поведут ли его пыльными улицами, вывалиянного в смоле, с криками и улюлюканьем. Или они посмеются над глупым книжником? Нет... нет, нельзя об этом думать!

Когда пустой живот напомнил о себе, ученый нашел харчевню: не такую чистую, как ему хотелось, но и не такую пыльную, как дюжина пройденных. В чадном полумраке хозяин блестел от пота и походил на медного богатыря из детских сказок.

— Мира тебе, господин.

Тамес задумался, что тот видит перед собой. Путник, еще довольно молод, худощав... одежда пыльная, но добротная. Откуда же взялось «господин»? Если его повадки бросаются в глаза — их приметит и менее безобидная публика.

— Гранатовое вино, баранина, лепешки? — начал перечислять хозяин. — Четыре медяка, господин. Клянусь Бедной, дешевле нет даже в гаванях!

Если это портовая еда, местные рабочие хорошо живут. Тамес махнул рукой.

— Я так голоден, что сжевал бы крысу!

Пока мальчонка на побегушках крутился меж кухней и общим залом, хозяин завел беседу:

— Давно в Дийяре? Жара в этом году оголтелая. Увидел бы ты город в сезон цветов!

— Откуда ты знаешь, что я чужак? — поинтересовался Тамес. — Откуда вы все знаете?

— Твой говор, господин. У нас говорят, вы на побережье разговариваете с вином во рту.

— У нас говорят, что жители Дийяра лают, как в рассветных землях, — Тамес смягчил слова улыбкой. — Но я стараюсь говорить, как вы.

Хозяин только ухмыльнулся.

— И что же привело господина в Дийяр?

— Хочу увидеть Дом Снов. Своего рода, паломничество.

— Давненько вас таких не было. Что, аж с самого побережья?

— Из столицы, — кивнул ученый.

— Не хочу оскорбить твои чувства, господин... — хозяин замялся. — Но, кажется, жрецы сами не верят в свои рассказы.

Мальчик поднес Тамесу миску — но даже голод не перевесил любопытства. Ученый задержался подле хозяина.

— Но почему? — переспросил он. — Я слышал, за пророчествами приходили и князья, и вельможи, и... даже цари?

— Давно это было.

— Что же изменилось?

— Маску Царя Царей надевают колдуны, — трактирщик сплюнул. — Им без нужды, что мог бы сказать владыка.

— И все же я хочу его видеть.

— Твое право, господин, — хозяин пожал плечами. — Ты ешь, ешь... За пару медяков Амр проводит. Видят боги: не знаю чужака, который бы не заплутал в первый день.

В полутьме харчевни, среди смеха, проклятий и стука костей Тамес не заметил, как подступили сумерки. Когда они с мальчиком вышли в путь, в ущельях улиц скопилась мгла, а в окнах загорелись масляные лампы. Амр шел быстро, бесшумно ступая в пыли, ученый, как мог, поспедал за ним.

Стараясь не запнуться и не влезть в конский навоз, Тамес не сразу заметил, как они появились — пять теней выступили словно из стен. Он понял, что что-то не так, лишь когда мальчик вжался в него, пятясь от молодчиков.

— Эй, чужак, не найдется медяка для голодных? — нарушил тишину самый крупный.

— Да, поди, не один... — этот голос звучал из-за спины.

— А то и серебряк отыщется.

В темноте было не разглядеть их лиц, лишь глаза поблескивали да слышался шорох одежды. Поодаль, за пару кварталов, поднял вой пес.

Тамес отступил к краю улицы, где, кажется, никто не поджидал.

— У меня ничего нет, — хрипло выдавил он.

— Ну-ну, не скромничай, — отозвался первый. Луч света прорвался меж ставен и скользнул по лицу, осветив задубевшую кожу и раскосые, как у степняка, глаза. — У тебя славная одежда. Наверняка в ней завалялась пара монет.

Лопатки ученого коснулись стены. Мальчик вцепился в его рукав, но в любой миг был готов дать деру.

Потратить две луны на дорогу, чтобы оказаться здесь? Отступить так близко от цели? В поясницу уперся выступ искрошившегося кирпича, а тени надвинулись совсем близко — Тамес слышал запах их дыхания.

— Это недоразумение, — произнес он, выставив руку. Вокруг ладони полыхнуло призрачное пламя, разбросав мятущиеся тени по лицам. — Я привык не носить денег. И полагаться на другое.

Он крепче сжал плечо мальчика и потратил еще каплю сил, чтобы зажечь холодным светом глаза.

«Да это колдун!» — донеслось до Тамеса. Мышцы мальчишки одеревенели: тот был испуган едва ли не больше прежнего.

— Лучше разойтись по-доброму, — заметил Тамес, и тени попятнулись. Пара вздохов — и они рассыпались по подворотням. Только сердце громко бухало в груди: напоминало, что они не привиделись.

— Пойдем, — глухо выдохнул ученый.

Мальчик повиновался со слепой покорностью.

Дом Снов возвели из нумарского мрамора, красного — и бесценного, как милость Царя Царей. В ночи он казался темнее темноты, лишь редкие факелы выхватывали из мрака пятна блестящего, цвета охры, камня.

— Вот. Это он... — проскулил мальчик. — Отпусти меня!

— Как хочешь.

Тамес разжал пальцы, и Амр тут же припустил прочь.

— Тебе что, не нужны деньги? — крикнул вслед ученый, но тот уже не слышал. Тамес улыбнулся.

Его Дар так слаб, что может зажечь фитиль или заставить светиться глаза. Детский трюк... Тамес даже не учуял бы другого мага — но и этого хватило, чтобы мальчик улепетывал со всех ног.

Пожав плечами, ученый стал взбираться по утопающей во мраке лестнице.

Были годы, когда Владыка Снов обладал влиянием — не чета теперешнему. Только те дни давно забылись: чародею на троне ни к чему милость богов, и Владыка Снов пострадал первым. Слишком далекий, чтобы ему возносили мольбы. Слишком привязанный к мгле своего дома, чтобы о нем помнили во всем Царстве. Даже дийярцы — и те его позабыли: проще и надежней полагаться на магию, чем на обманчивые видения.

Об этом думал Тамес, приближаясь к темному дворцу. Тот был выстроен в дни величия, но теперь обветшал и опустел. Створки его дверей соперничали с воротами, через которые ученый вошел в город — но дерево растрескалось, а галереи оставались пустыми и темными.

Тамес забарабанил в двери: сперва кулаком, а затем и обеими руками. Прошло несколько минут, когда на ступени легла полоса света — слева открылась крохотная калитка.

— Кого там несут бесы?

— Паломник, — громко сказал он в темноту. Тамес не знал, видно ли его, но развел руки, показывая, что в них нет оружия.

— Иди проспись и приходи утром, — донеслось до него. — А то и вовсе проваливай. На трезвую голову сообразишь, куда шел.

— Я трезв! — с обидой отрезал Тамес.

Теперь он увидел говорившего — его фигура заслонила свет. Маленький, как карлик или ребенок, он был одет в длинные одежды, и вот в его руке оружие было.

— Я трезв, — отчетливо повторил ученый, — и никуда не уйду. Я прошел сотни схенов, чтобы здесь оказаться, мне некуда идти. Я могу ждать у дверей, если хочешь. Но дальше их ты меня не прогонишь.

— Огрызаешься... — усмехнулась темнота. — Это хорошо. Пойдем.

На свету показался старик, крохотный и съезжившийся, едва по грудь ученому. Если бы не дряблая кожа и седина, Тамес и впрямь принял бы его за ребенка. Под стать репутации владыки: было что-то неправильное, извращенное в изборозженном морщинами лице и крохотных пальцах, сжимавших рукоять ножа.

— Ну! Чего уставился? — глаза привратника смотрели колко и зло. — Ты идешь или нет?

Он повел Тамеса в темный внутренний двор, поросший странными деревьями — их черная кора поблескивала в лунном свете, как чешуя. Они миновали причудливую арку с резными ликами не то людей, не то чудищ — и ученому казалось, будто все они смотрят на него.

— Мы идем в храм? — поинтересовался он.

— Мы идем к жрецам, — отрезал привратник. — Или думаешь, в Дом пускают каждого?

Тамес думал, против какой силы он идет, однако не сказал ничего.

Это место тяготило его. Казалось, темнота знает, зачем он пришел — и шепчет проклятия в тишине странного сада. Костлявые деревья тянули к нему ветви. Лики на арке смотрели в спину каменными взглядами. Они все знали: и лица, и темнота и даже воздух — они знали и были не рады ему, отрицателю. Пришедшему, чтобы поколебать их власть в старинном дворце.

На мгновение ученый усомнился в цели путешествия. Сын мага, он всю жизнь был рационалистом. Он привык верить в людей: их магию, золото и оружие. Но некая враждебная сила, казалось, и впрямь обитала здесь — и наблюдала с тех пор, как он перешагнул порог.

«Глупости, — сказал он себе. — Храм строили, чтобы производить впечатление. Конечно, мурашки по коже! Жрецы — вот главная забота».

Но и она не заставила себя ждать.

— А вот и наш паломник. Тамес... аби-Бехар, верно?

Ученый вздрогнул и резко обернулся, а провожатый бухнулся на колени и коснулся лбом мозаичных плиток под ногами.

— Все хорошо, Газд, я позабочусь о госте, — мягко сказал незнакомец.

Удивительно, как они его не заметили: на говорившем были молочно-белые одежды, и в ночи он походил на призрака. «Цвета тумана, — вспомнил Тамес. — Их одежды цвета тумана, белены и макового молока, а речи их полны лжи и видений».

Только теперь ученый по-настоящему испугался. В отличие от карликов и каменных лиц, незнакомец, знающий твое имя в чужом городе — действительно опасен.

— Кто ты? Ты меня знаешь?

В ответ раздался легкий смешок.

— Ты не забыл, куда шел? Здесь всегда знают больше, чем говорят.

— Ты не ответил на вопрос, — Тамес попятился, но быстро понял, что за спиной привратник.

Снова смешок.

— Тебе придется меня простить. Меня зовут Аджак Серый, в этом Доме я главный слуга владыки. Разумеется, я знаю все, что его касается.

Этот ответ объяснял не больше прежнего, и ученый замялся. Все было слишком странно, слишком... гротескно, как в одном из видений Белого Господина. Жрец слегка подался вперед.

— Ну же, достойный Тамес... Ты пришел, чтобы увидеть жрецов и пройти в Логово. Вот я перед тобой. Отчего ж ты колеблешься?

— Не люблю, когда чужаки вынюхивают каждый мой шаг.

— Ученые вообще не любят, когда кто-то знает больше них, — зубы Аджака блеснули в лунном свете. — Должно быть, ты устал. В палатах жрецов найдется и вино, и еда, и кров для путника.

Не такого приема он ждал. Но если это морок, то весьма привлекательный: Тамес много отдал бы за чашу вина и мягкую кровать.

— Или ты хочешь ждать у дверей?

В голосе жреца слышалась насмешка. Поколебавшись мгновение и прокляв свою самоуверенность, ученый последовал за ним.

Они очутились в небольшой комнате, где ждал стол, уставленный блюдами с лепешками, густо приправленным мясом и фруктами. Откуда бы Аджак ни узнал о госте — он сделал все, чтобы не ударить лицом в грязь. Здесь было тихо и спокойно: теплого цвета панели укрыли стены, а газовые занавеси слабо трепетали от движений воздуха.

— Мне понятно твое удивление, — заметил жрец. — Сложно поверить, что эти покои окружает храм из кровавого камня.

Тамес вспомнил, что читал о белых жрецах, и хмыкнул. Нет, богатству он не удивился. Должно быть, слуги Белого Господина и сейчас содержат дворцы.

— Вы подготовились, — отметил ученый.

— Особому гостю особый прием, — усмехнулся Аджак.

Он был подтянутым, с тонкими чертами лица, а в темных волосах пробивалась седина. Жрец откупорил запотевший кувшин и протянул гостю чашу сладко пахнущего вина. Тамес нашел на дне медовый осадок и лепестки цветов — и тут же обругал себя за неосторожный глоток. Простецы страшатся мглы под храмом, но он-то должен знать, что это логово — опасней того, что внизу.

— Чем же я... необычен? — наконец спросил он.

Положив в рот маслину и заставив ученого ждать, пока он прожует, Аджак заговорил:

— Ты Тамес аби-Бехар, и твой отец был магом в столичной обители. Тебе не досталось Дара, но ты вырос среди чародеев и стал книжником. Конечно, ты не обычный паломник! Тебе нет тридцати, но по двум твоим книгам учат магов. Твое имя с уважением произносят в столице, в Гиллу Тхан и в Хаджейре. А приверженцы твоих речей рассеяны по всему Царству.

— Может, ты знаешь, зачем я приехал?

— Ты отрицатель, — жрец пожал плечами. Пальцы его поглаживали серебряный бок чаши.

— Не нужно служить владыке, чтобы догадаться. Вы живете, чтобы сражаться с богами.

— Не с богами, — поправил его Тамес. — С властью жрецов и храмов.

— Но это еще более странно, — Аджак поднял брови, его лоб прочертили три морщины. — Только дети и отрицатели могут представить себе мир без богов. Ты выступаешь на базарных площадях, но рукоплещут тебе вельможи, которые специально пришли послушать. Простые люди продолжают ходить в храмы. Каждый день. Они просят, благодарят, молятся — так же, как до чародеев на троне. Кого ты намерен лишить храмов? Простой люд?

— Боги палец о палец не ударили, чтобы внять молитвам!

— Так было не всегда, — жрец вновь пожал плечами. — Раньше боги являли нам чудеса.

— В век легенд, — ввернул ученый.

— Есть достаточно свидетельств... что все это было. Или ты и это отрицаешь?

— Мы считаем, это были не чудеса, а обыкновенная магия.

— Обыкновенная магия... — Аджак усмехнулся. — А ведь когда-то в Царстве не было чародеев. Никто о них не слышал.

— Лишнее свидетельство, что маги были жрецами и творили «чудеса» именем богов.

— Ты молод, достойный Тамес, — вздохнул жрец. — И эта земля еще молода. Мы живем слишком близко к рассветному океану. На западе, за Внутренним морем, за пустыней — лежат закатные царства, откуда пришла вся магия. Люди там живут на границе мира мертвых, куда уходит солнце, и знают куда больше нашего. Они давно пережили это: и чародеев, и отрицателей, и боги по-прежнему живут на западе, как жили всегда.

Вся его насмешливость куда-то делась. Аджам умолк, словно сказанное опечалило его.

— Так зачем ты пришел? — наконец, спросил он. — Бросить вызов владыке?

— Ученые вообще не любят воинственности, — вернул его фразу Тамес. — Даже отрицатели. Я просто хочу посмотреть.

— Зачем?

— Меннеф Летописец пишет, что секрет оракула в тумане. В этих испарениях, из-под земли. Я не знаю... — честно признался Тамес. — Я просто хочу войти в Логово и увидеть собственными глазами. И если вы говорите с владыкой, а не с мглой и не голосами в голове... я хочу переброситься с ним парой слов.

— Далеко же ты шел, чтобы... переброситься парой слов, — жрец повторил его интонации.

— Потому что слуги других богов славно устроились! — резче, чем ему хотелось, ответил Тамес. — Их боги слишком велики, чтобы отвечать смертным. Жрецы лишь толкуют их волю, а сами боги молчат. Они называют твоего владыку мелким южным божком, но каждый раз указывают сюда. Не все владыки молчат, говорят они. Я не вижу смысла в боге, который не отвечает молитвам... Но если так — я пришел увидеть того, что, по слухам, не глух.

— Ты молод, достойный Тамес, — повторил Аджам. — Спроси любого крестьянина, и тот скажет, что боги ему отвечают. Но ведь ты хочешь спора, а не ответов.

— Не спора. Мы просто хотим знать больше: и о Логове, и о твоём боге. Вельможи, придворные, чародеи. Отрицатели по всему Царству. Все те, кто знает, что я предпринял этот поход, — подытожил Тамес. — Чтобы войти в Логово и, если нужно, поклониться Белому Господину. Если я его найду.

Жрец молчал. Его губы напряглись, а брови сдвинулись, так что было ясно, что он думает. Сказать по правде, ученый не хотел оказаться на его месте.

Они были в каждом городе и на каждой базарной площади — доказывая, что в просвещенный век, с его магией, поклонение богам бессмысленно. Порой отрицатели собирали толпы, порой — камни и гнилые фрукты, но равнодушно их не встречали нигде. Запретить ему войти в Логово? Над владыкой станут потешаться по всему Царству. Пропустить? Наверное, они оба не знали, чем все обернется.

Ученый помнил, что он известен: у слуг владыки не возникнет искушения от него избавиться.

— Хорошо, — Аджам вздохнул, словно то было решение о жизни и смерти. Может, так оно и было? Тамес отогнал непрошенную мысль. — Ты войдешь в Логово на рассвете. Я провожу тебя.

Он встал, и складки одежд распрямились, словно высеченные резцом скульптора. Он казался почти величественным — как поверженный властитель или мученик за веру.

— Хорошенько выспись перед встречей с Владыкой Снов. Как бы странно это ни звучало, — усмехнулся жрец. — Наверху комната для гостей, а к утру за тобой придут.

В теплом свете на его лице не читалось неприязни. Ученый мог поклясться, что оно выражает лишь печаль и покорность судьбе. А еще он мог поклясться, что самая сложная часть его паломничества — только началась.

— Иди за мной след в след, — предупредил жрец, для большего эффекта подняв руку.

Перед ними лежал зал, освещенный сотнями лампад, но блеклый свет едва разгонял мглу. По полу струился туман — должно быть, тот, что дурманил разум входящим в Логово. Тонкие

красные колонны поднимались из него и терялись в дыму от курившихся на жаровнях листьев ралха.

— Расставили ловушки? — хмыкнул ученый.

— Этот туман поднимается из Логова, — подтвердил догадку Аджак. — В полу провалы. Не зная дороги, сломать шею легче легкого.

Спал Тамес плохо, остаток ночи блуждая по незнакомым улицам, преследуемый карликами и нищими — и проснулся вялый, с тяжелой головой и злой на себя за эту слабость. Срывать раздражение на жреце было глупо. Но как он ни старался, оно все же прорывалось язвительными нотками.

Вот как сейчас.

— Неудивительно, что к владыке ходят все меньше!

— Храму Дритана и не нужны толпы, — спокойно ответил жрец. — Мы сами решаем, кого впускать в Логово, и сами провожаем гостей.

На взгляд Тамеса, это смахивало на дешевый театр, из тех, что разыгрывают бродяги-неджели на праздник урожая — но на сей раз он смолчал.

— Мы сейчас под Бычьим утесом, — прокомментировал жрец. — А прямо над нами лежат торговцев.

— Как высоко?

— Довольно высоко, — Аджак обернулся. На его губах играла улыбка. — Дом очень велик. Даже дейярцы не помнят его размеров. А ведь они все это строили.

«Производишь впечатление?» — подумал Тамес. Нужно отдать должное, жрецу это удавалось...

Храм давил на ученого. Он сам не знал, в чем дело — будто тяжелый взгляд наблюдал за ним, не отрываясь. Туман казался удушливым. Колонны — слишком хрупкими, готовыми подломиться, обрушив свод. Все в этом месте... нет, не говорило — кричало, что лучше бы ему убраться.

— Что меня... ждет? Внизу? — чтобы отвлечься, спросил Тамес. — Есть какие-то правила в Логове? Что-то, что нужно... или что нельзя делать?

— Ничего, — заверил жрец. — Ты идешь к богу, он все решит за нас. Но если хочешь наставления — не стоит кричать в туман богохульства.

Он вновь был насмешлив и самоуверен, от вчерашней покорности не осталось следа. Это тоже действовало на нервы — ученый не понимал, с кем имеет дело.

«А речи их полны лжи и видений»...

— Вот и пришли.

Они остановились у грубо вытесанной каменной лестницы, ведущей вниз — и скрывавшейся в тумане через десяток ступеней. Лишь сейчас Тамес отметил, как здесь тихо. Ни эха, ни движений воздуха. Внизу же было и того тише: густая ватная мгла пожирала звук, свет и самый воздух.

— Внизу находится сеть пещер, — начал объяснять Аджак. — Как спустишься, просто иди вперед. Старайся не сворачивать, там легко заблудиться. Просто иди, иди... всегда вперед. Все паломники говорят, что через час-другой владыка явится сам.

— Как мне вернуться?

— Владыка выведет тебя. Вход всегда находится за пару минут, сколько бы ты ни шел до этого.

От перспективы потеряться в голодном мареве по коже побежали мурашки. Тамес повел плечами, прогоняя холодок меж лопаток.

— В крайнем случае мы спускаемся в Логово через сутки, — закончил жрец. — Мы найдем тебя. Но за сотни лет это пришлось делать всего дважды.

Ученый решил бы, что слуги владыки хотят от него избавиться — если бы не читал то же самое в воспоминаниях. Туманные или нет, эти указания оставались неизменными уже столетия. Что, впрочем, не делало их понятней для рационалиста.

— А свет? — спросил Тамес. С раздражением, он отметил, как испуганно звучит его голос.

— Не понадобится, — отрезал Аджак. — В тумане довольно светло. Ты сам увидишь...

Он понял, как неубедительно звучат его слова, поскольку сразу добавил:

— На худой конец, ты всегда можешь вернуться. Пока не встретишь владыку, вход еще нужно поискать. Но никуда не сворачивай — и ты его найдешь.

— Хорошо...

Тамес понял, что чем больше расспросов, тем меньше ему хочется идти в Логово. Пора собраться с силами и шагнуть вниз. Таящееся под храмом не становилось краше, но толочься у дверей было бы еще хуже.

Так он и поступил.

— Помни: никуда не сворачивай, — вслед ему сказал жрец.

Ученый не ответил. С этой минуты и пока он не выйдет на поверхность, храм и слуги владыки — меньшая из его забот. Совсем скоро Логово это подтвердило: обернувшись через минуту, Тамес не увидел ни Аджакха, ни начала лестницы.

Теперь, когда ученый был один, он полез за пазуху и выудил на свет тряпичную маску, набитую изнутри сухими травами. Дома, в столице — он потратил месяц, ставя опыты с формой и подбирая действенный состав. Плотная ткань закрыла нижнюю часть лица, в ноздри ударил резкий травяной запах. Теперь он был похож на сказочного уродца — но полегчало сразу. Может, Тамес и бессилен против туманов Логова, но туман в мыслях отступил.

Касаясь рукой стены и нащупывая ступеньки, ученый начал медленно спускаться.

Лестница петляла, резко поворачивала, выписывала немыслимые спирали — точно сбивая с толку. Неизвестно, кто и когда ее вырубил — наверное, задолго до того, как появился Дом — но он рассчитывал запутать паломников. Тамес быстро потерял счет поворотам и утратил чувство направления. Оставалось спускаться и шаг за шагом считать ступени. После сотой ученый забросил это бестолковое занятие.

И почти сразу лестница обманула его. Как и все в этом проклятом месте! Обнаружив под ногой пустоту, Тамес потерял равновесие и упал ничком. Маска помогла ему не расквасить нос, но ученый больно расшиб колени, и сухая веточка впиалась в лицо. Чертыхаясь и проклиная свою неуклюжесть и строителей Логова, он поднялся на колени.

Туман был почти живым. Он не просто окружал ученого — он клубился и двигался, принимая размытые, будто бы знакомые формы. Как и говорил жрец, сверху сочился свет, так что сказать «не видно ни зги» все же нельзя... Просто все стало ненастоящим. Расстояние, формы — во мгле ничего не скажешь наверняка.

«Никуда не сворачивай»...

Как будто в этом месте хочется свернуть! Тяжело поднявшись на ноги, Тамес заковылял прочь.

Он поймал себя на мысли, что немного завидует верующим — они-то принимают все за чистую монету. Для них проклятая дымка божья милость. Она и впрямь была красива: холодная, мерцающая мгла струилась по земле, и в ней как будто выблескивало нечто... как ледяное крошево. Мгла была переменчивой, как блики солнца на поверхности ручья, а выше — полупрозрачной, как газовые занавеси. Да, это несомненно чудо: если не божественное, то чудо природы. Сложись его жизнь иначе — и Тамес бы восторгался ею. Непременно восторгался. В прошлом. До смерти Джедда...

На мгновение мелькнула мысль, что блески в тумане и призрачные образы... что мгла все же действует, несмотря на маску — мелькнула и растворилась.

Это было одно из самых ярких воспоминаний, связанных с братом. Пожалуй, не самое приятное, но яркое. Ему исполнилось... да, лет пятнадцать, а Джедд аккуратно разменял второй десяток — когда Тамеса угораздило напиться, да так, что мир кружился вокруг. Что это был за повод? Не иначе любовные дела, которые в юности не очень отличают от конца света.

— Тебе бы хватит... — незаметно подойдя сзади, проговорил брат.

В его словах звучало беспокойство, но Тамес, еще не окончательно одуревший от выпивки, почувствовал, как щеки залила краска стыда.

— А по... моему в самый раз, — сидя на полу и глядя снизу-вверх, сказал он.

Джедд махнул рукой слуге за спиной парня.

— Сперва ты поешь, — не терпящим возражений тоном приказал он. — Потом можешь пить дальше и рассказывать.

Угрюмое желание противоречить исчезло, сменилось свойственной пьяным сентиментальностью.

— Ты всегда заботился обо мне, да? — Тамес икнул, и потупился, уставившись в ковер, на котором уже выстроился рядок бутылок. — На тебя... так много свалилось после смерти отца. И еще я...

Недолго думая, Джедд сел на пол возле брата и приобнял его за плечи.

— Ну? Что произошло? — как с маленьким ребенком, заговорил он.

Старый слуга не нашел ничего лучше, чем поставить поднос с мясом и овощами прямо на ковер. Парень говорил долго, взалоб, Джедд же внимательно слушал и порой напоминал о еде. Он был мудр в свои двадцать с лишним. Он заставил брата поесть, а потом выпить: и еще, и еще — пока того не вырвало.

— Надо поспать, Тами, — напоследок сказал брат, назвав его, как некогда называла мать.

Наутро юноша едва ворочал языком, и его тошнило — но беды прошлой ночи отступили, прочно увязавшись с тем, как его рвало в туалетной комнате. Джедд был мудр в свои двадцать с лишним... И действительно о нем заботился.

А потом его не стало.

Должно быть, после его смерти Тамес и стал отрицателем. Горе — странная штука. Оно меняет тебя, кем бы ты ни был прежде. Обычных людей оно толкает в храмы — и отвращает от богов верующих. Он тысячи раз молил и клял, давал бессмысленные обеты в их семейном святилище — пока Джедд сгорал от лихорадки наверху. Но боги оставались глухи, слепы и безразличны. Как, впрочем, и всегда.

«Туман действует на меня, — наконец признал ученый. — Проклятье, он действует!»

Тамес прибавил шагу, как будто это могло скорей привести его к цели. Теперь, когда он был здесь, ученый наотрез отказался лгать себе. Он пришел в Логово, не веря в богов. Но в глубине, в самых дальних тайниках души — он шел, чтобы дозваться. Зачем? Выставить им счет или продолжать молить? Он не знал...

— Эй, чужак, не найдется медяка для голодных?

Тамес вздрогнул. Сердце бухнуло: раз, другой — и забилося часто-часто.

Они вышли из пелены, точь-в-точь как прошлой ночью, и туман бурлил у их ног, как морской прибой.

— Такая славная одежда и такая сильная магия, — раздался голос из-за спины.

Это было колдовство или и впрямь месть злорадного божка — потому что напоминало кошмарный сон. В нем все перемешалось: глаза грабителей светились холодным и тусклым светом, а кисти рук горели призрачным огнем.

«Это видение. Это бред, всего лишь бред...» — твердил ученый, переводя взгляд с одного на другого.

— Думаешь, чем бы припугнуть теперь?

«Это бред, — упрямо повторил Тамес, твердо упираясь ногами в землю. От страха колени его дрожали. — Морок. Просто стой твердо и все пройдет».

Тени обступили его со всех сторон. Пять призраков с мерцающими, словно звезды, глазами.

— Наверное, думает, чем бы нам помочь...

Одетая в блеклое пламя рука протянулась к нему, и Тамес почувствовал исходящий от нее холод. Он был вполне реален: колючий, злой, он обжег плечо там, где на него легла ладонь призрака.

Ученый опомнился. Рванувшись из захвата, он скользнул меж теней и устремился прочь. Леденящий душу вой распорол тишину, и мшистая, пахнущая землей и гнилью тень бросилась на Тамеса.

Он побежал. Сквозь завесы тумана чудились похотливое хихиканье, рык, чавкающие звуки. Что-то тяжелое елозило по земле... Сердце всполошено прыгало в груди, точно норовя выскочить через глотку наружу.

Ученый собрал все колдовские силы и наугад бросил за спину, во мглу. Что-то взвыло, хрипло захохотало не то по-человечески, не то по-звериному. Дыхание судорожно рвалось из груди, казалось, сейчас оно разорвет легкие.

Уже недалеко...

Впереди маячил позолоченный купол храма. Тамес не задавался вопросом, откуда тот взялся — в тумане все казалось правильным и уместным. Как во сне.

Совсем близко... Ватные ноги подгибались. Тошнота встала поперек горла, выступила на лбу испариной. Бесплезная маска царапала лицо. Вот он, храм! Из всех богов посвященный самому неподходящему — Таурре, госпоже дома и семейного очага. И такое сойдет. Любые боги не терпят нечисти.

Тамес остановился. Пыльный пустырь затянули кольшущиеся занавеси мглы. Внутри проглядывали размытые силуэты.словно войско теней выстроилось между ним и высокими дверями.

— Я сказал, тебе хватит! — рыкнула мгла за спиной.

Тамес вздрогнул, заслышав джеддов голос. Мотнул головой стряхивая наваждение... Брат мертв. Это тени. Призраки. Они там, во мгле, ждут, пока он ступит внутрь.

Статуи беременной богини смотрели на него поверх дымки: призывно, обещая покой и безопасность. Войско теней застыло, наострило оружие. Следило тысячей ожидающих взглядов. Тамес зажмурился, вспоминая слова с детства затверженной молитвы.

— Таурра, защитница очага, хранящая каждый дом от невзгод. Благословенно дитя твое...

Он запнулся, забыв слова. Туман всколыхнулся, подался навстречу.

— Я молю о спасении. Кто, если не ты, хранительница? Славься, мать! Славься, защитница...

Дикая смесь голосов ударила по ушам, оглушила его, так что он сам не слышал молитвы. Только холод в правом плече не давал забыть, сойти с ума от творящегося безумия.

— ...солнцем и отцом-землей заклинаю: защити!

Туман откликнулся надломленным фальцетом.

Что-то изменилось.словно по жилам побежало долгожданное тепло. Тамес сделал шаг — и туман подался назад. Откатился, как откатывает от берега волна. Внутри шуршало, плакало, давилось слезами и спешило поскорей убраться с дороги.

Еще шаг. Туман расступался, образуя проход, и смыкался за спиной, провожая Тамеса безнадежным и отчаянным воем.

Еще шаг. Со статуй улыбалось умиротворенное лицо Таурры.

Два шага... один. Последний. Ученый упал, распластавшись по полу. Холод остался позади, за дверьми. Разочарованный вой превратился в плаксивое:

— Хватит...

Тамес зажмурился, не в силах слышать джеддов голос — и провалился в беспамятство.

Ученый не знал, сколько времени прошло. Когда он пришел в себя, он с трудом приподнялся на локтях. Сперва встать на колени. Затем подняться. Фрески стен крутились в безудержном хороводе, кровь шумела в ушах, как гул столичных рынков.

Вроде, отпустило... Только слабость сделала тело ватным и непослушным. Так бывает. Всегда, когда выжимаешь колдовской Дар досуха.

Слегка покачиваясь и опираясь рукой о стену, Тамес огляделся. Простой деревенский храм, стены из саманного кирпича белили с усердием, но фрески нарисованы нелепо, в силу умений художника. Не чета столичным.

— Тами? — раздалось вдруг из-за спины.

Ученый обернулся.

Джедд стоял в дверях. Его брат, родная кровь... Пыль и грязь расчертили его лицо темными разводами.

— Я уж думал, не догоню тебя! От самой лестницы гнался, как за дичью...

Он шагнул внутрь святилища и поежился от холода. Чуть полноватые губы растянула улыбка. Он всегда улыбался так: тепло и по-доброму.

Вот он стоит внутри, и створки дверей покачиваются у него за спиной. Тамес неуверенно улыбнулся в ответ.

— Я думал... это бред. Разве... такое может быть?

Джедд рассмеялся.

— Хорош братец: как услышал меня, сразу дал деру! — он склонил голову набок, лукаво поглядывая на ученого.

Тамес выпрямился. Стоял, пристально глядя на него, колеблясь...

— Ты что, родного брата не обнимешь? — в голосе Джедда скользнули нотки обиды.

Тамес шагнул вперед и вздрогнул от холода Логова. Он сам не заметил, как заоченели руки, пока он лежал тут, в храме.

— Совсем помешался с горя, — шутя, бросил Джедд.

Ученый подался было обнять его, но вдруг отшатнулся. Холодом тянуло не снаружи, не из вязкой мглы за дверями — от силуэта, вычерченного на фоне мерцающей дымки. Он стоял здесь, внутри — и приоткрытые наружу створки и впрямь скрипели за его спиной. Но между братьями пролегал порог. Грань, которую он едва не переступил.

— Ты что и вправду меня не узнаешь? — темные брови нахмурились. — Это же я, Джедд...

— Уходи! — Как же тянет в груди, как мучительно хочется, чтобы он жил, чтобы дышал и смеялся. — Уходи или переступи порог!

Что-то рыкнуло в темноте, метнулось к Тамесу, но с визгом отлетело прочь. Стеная, убралось в белую муть зализывать раны.

Вдох. Выдох. Прерывистый, жалкий — больше похожий на плач. Почему они выбрали именно этот образ? Разве мало им просто кружить там и скалиться из тумана? Зачем нужно беречь рану, которая и без того с трудом затянулась?

Ученый отвернулся от дверей, чтобы не видеть клубившегося за ними марева. Побрел во тьму, что скрыла противоположную стену храма. Он понял вдруг, что это не тени — Тамес был готов поклясться, что двух стен у храма просто нет. Вместо них и дальше лежало Логово. Такое же, как прежде: чуть менее туманное, чуть менее светлое, но в остальном такое же. Пустое. Как и должно быть.

Тамес попробовал провести рукой по лицу — и с раздражением сорвал надоевшую маску.

Выходит, все это мираж? Стены храма и немеющее плечо говорили обратное.

— Паломник... — донеслось из-за дверей. — Послушай, паломник, мне не нужно твоей крови.

Он вглядывался в темноту в дальней стороне помещения, делая вид, что не слышит.

— Ты только выслушай. Это все, что мне нужно... — в голосе угадывались нотки Джедда, и давно почившего отца, и ждущей его в столице женщины.

— Я ничего больше не прошу, — бубнил в пелене тумана голос.

Тряхнув головой и растерев плечо, Тамес решительно зашагал прочь.

Здесь было темнее, сквозь невидимые отверстия в потолке уже не проникал свет. Да и сам туман больше не мерцал тем таинственным сиянием. Ученому приходилось нащупывать дорогу и шел он, вытянув вперед руки.

Спустя несколько минут Тамес понял, что не дает ему покоя. Он чувствовал магию. Даже он, лишенный Дара почитай начисто, неспособный отличить простого смертного от чародея — чуял силу, щедро разлитую в воздухе. Чары покалывали кончики пальцев и обволакивали, как прежде обнимал туман. Дыхание Бездны, сколько же здесь силы? Хватило бы смести с лица земли Дийяр. Или... или даже больше.

Тамес остановился, вглядываясь в полумрак. Проклятье, а он сетовал, что не знает, как вести себя в чужом городе! В городе ты знаешь, откуда ждать опасности: не сунешься в

темный переулок, обойдешь опасные кварталы... В городе хотя бы знаешь, куда смотреть! В Логове опасность была повсюду. Подстерегала за каждым поворотом. В любой миг могла броситься из темноты.

Ученый повел плечами, прогоняя внезапную дрожь. Делать нечего: не возвращаться же к беснующимся у храма призракам. И — теперь он точно знал, что в этом месте есть... что-то. Могущественная магия или божья сила, оно лежало впереди. И, должно быть, идти к нему всего безопаснее.

Путь его длился долго.

Да нет же — дольше долгого. Он шел, словно в трансе, раз за разом переставляя ноги. То были не несколько часов — Тамесу казалось, что он не меньше суток бродит по темным, пропитанным силой залам. Наконец, он в изнеможении опустился наземь. Плотная холодная взвесь колыхалась в воздухе, клубилась подобно болотному газу, отчего полутьма казалась еще темнее и непрогляднее.

Слишком долго. Так... просто не может, нет — не должно быть. Он давно вышел из города и удалился на приличное расстояние. Живот свело судорогой голода. Нужно поворачивать... Беда в том, что он не может просто так уйти. Слишком много прошел. Зашел слишком далеко.

Тамес еще полз — не соображая, куда — когда пальцы нашарили выступающий из земли корень.

Он не заметил, как камень уступил место неровному земляному полу. Отчего-то эта находка окончательно отрезвила его. Ученый огляделся. Было ли то колдовством, мороком или дальней, неведомой частью Логова — но его обступили сплетенные из ветвей стены. Черные, чудовищных размеров корни извивались, подобно змеям, оплетая уходящий во тьму туннель. Местами из мглы проглядывали лица — точь-в-точь те, что встречали пришедших в храм, только не высеченные резцом, а выросшие на стенах.

По крайней мере, он не заплутал. Он определенно приближался. Знать бы, к чему... Но узнает это уже не он. Ученый не мог идти дальше. Это место пило его силы. Временами казалось, что он в столичных банях, только вместо жары и пара были туман и пронизывающий до костей холод. Мерзлый, липкий, он растекался по телу через одеревеневшие ноги и руки, скапливался тупой ноющей болью в костях.

Кряхтя, как старик, Тамес поднялся и побрел обратно.

Он шел, должно быть, несколько минут, когда понял, что что-то не так. Пелена вокруг двигалась. Словно огромный зверь, ворочавшийся во сне. Как будто ветер, если бы ветер и туман уживались вместе. Ученый обернулся. Лица по-прежнему смотрели: не то презрительно, не то брезгливо. Они были так же близко, как и прежде.

Да, более всего это походило на ветер. Невидимая сила толкала дальше в Логово и не давала вернуться. Ученый пошел быстрее, но добился лишь того, что вовсе обессилел. Он точно плыл против течения. Пальный лист, что летит против рева бури...

Тамес выругался, и белесая пелена проглотила его слова. Лица насмехались над ним. Их взгляды точно ожили.

Будь прокляты боги, храмы и все их слуги!

Глядя в глаза ближайшему лику, Тамес зашагал к черной дыре туннеля.

Магия этого места была неистовой, неуправляемой — и первобытной. В ней было что-то от ярости урагана, напора наводнения, идущее от самых костей земли. Сила больше не колола пальцы — нет, каждый волосок на теле ученого встал дыбом от ее обилия.

Сколько времени прошло? Дерево, хранившее память столетий, смеялось над его усилиями. Боги-боги, каков глупец! Чем дальше он углублялся в змеящийся, перевитый черными корнями ход, тем более зыбким и призрачным казалось воспоминание о свете дня. Тамес еще надеялся увидеть солнце, но сомкнувшиеся вокруг стены обещали другое и уводили все глубже в темноту.

Потом он понял, что слышит голоса — и слышал их, наверное, уже несколько минут. Пение... Как знакомая, но позабытая с детства мелодия. Сперва он думал, что поют проступающие из коры лица, но нет — деревянные губы оставались сомкнуты. Голоса звучали

в голове. Мужские, и женские, и вовсе неведомые, они были тихими и неразборчивыми, точно далекий хор. Откуда-то он знал, что этот язык мертв уже бездну лет.

Стены петляли, заламывали повороты, то расступались, то вновь смыкались. Не в силах сопротивляться, Тамес просто доверился силе, что подталкивала в спину... А голоса становились громче и сопровождали его так долго, что он почти готов был назвать каждого другом.

Наконец, настал момент, когда ученый не смог идти. Никак. Даже с невидимой поддержкой.

В которой раз он без сил опустился на пол, теперь уж неспособный даже оглядеться. Пение было так отчетливо, что захватило его полностью. Тягучее. Величественное. Маленький потерянный человечек, он просто сидел, вслушиваясь и опустив голову на грудь. Посторонние мысли казались кощунством.

Сквозь гимн он слышал грохот древесины.

Словно зверь шевелится во тьме... Нет, не зверь — то шевелилось само Логово, ворочаясь, приводя в движение стены и своды. Голоса сопровождали каждое движение величавым крещендо.

Тамес не терял сознание и не приходил в себя — просто сразу понял, что находится в другом месте. Это ощущение не облечь это ощущение в слова. Тамес и не пытался. Все казалось понятным и естественным: он закрыл глаза, поддался чуждой магии — и вот он здесь.

Только вот... где это здесь?

Он пребывал в пустоте, бескрайней и бесцветной, настолько пустой и однообразной, что взгляд терялся. От этого вида слегка подташнивало. Тошнота и вернула ученого к действительности. Голоса смолкли, уступив место тишине. Силы не то, чтобы вернулись, но он не чувствовал и прежнего изнеможения.

«Я снова брежу», — сказал себе Тамес.

Ученый не парил в пустоте — скорее, сидел, как можно сидеть на полу или на земле. Но он ощущал подошвы сандалий, складки одежды под собой — и признал, что если бредит, морок действует не только на зрение. Тамес пошарил вокруг, но не нашел ничего, что могло служить опорой.

Встал. Прошелся туда-сюда... Пустота держала его. Ученый поднимался и спускался — совсем как по лестнице, довольно было лишь представить ее. Но пустота все же оставалась пустотой. Бездной.

Неизвестно, сколько бы он ломал голову, если бы не слабое дуновение. Не ветер, нет... просто легкое движение воздуха коснулось плеча, словно напоминая о себе.

Тамес обернулся.

Что-то светлое маячило в пустоте поодаль. Отсюда не разглядеть, что — но оно приглашало... манило, оно было теплым и призывным: как свет в окне в промозглую ночь сезона дождей.

Идти оказалось недолго. Как раз достаточно, чтобы мысли прояснились, и ученый вспомнил, где он и кто ждет в конце пути. Вспомнил — и невольно замедлил шаг. Впрочем, это не слишком-то помогло.

Он обнаружил себя на скальном выступе, на самом краю утеса. В трех или пяти шагах тот терял плотность и растворялся в бездне. Но на этом пяточке... упрямый терн цеплялся за негостеприимную почву, и камни поросли мхом, а щебень впился в ноги через подошвы сандалий.

И еще — прямо над обрывом в сочащемся из ниоткуда свете кружилась пыль.

— Тамес аби-Бехар, — сказала пустота. Пылинки протанцевали каждый слог его имени. — Ты шел так долго, что я почти уже перестал ждать.

— Сколько? — хрипло выдохнул ученый. — Сколько... времени прошло?

— Ты шел сюда несколько лет, — ветви кустарника шелестели с усмешкой. — Со дня смерти брата.

Тамес понял, что найдет здесь столько же ответов, сколько в храме наверху, но ему надоело спорить и добиваться их.

— Кто ты? — устало спросил он.

— Тот, к кому ты шел.

— Зачем ты пытался меня остановить?

— Пытался остановить? — пылинки пританцовывали в смехе. — Я ждал тебя с тех пор, как Джеда нарядили к последнему костру. Ты сам пытался себя остановить.

Этот ответ был не лучше прочих, и Тамес умолк, так и не задав следующий вопрос.

— Не я выдумываю то, что вы видите в Логове, — неожиданно пояснил владыка. — Все это в ваших головах. Я только... вытаскиваю на поверхность.

— Кто ты?

Ученый спросил так тихо, что едва услышал сам себя. Впрочем, владыка его понял, Тамес не сомневался.

Пустота молчала.

Подождав, ученый уселся на камень, глядя на мельтешение пылинок. Тишина длилась несколько долгих ударов сердца.

— Ты уже решил, зачем пришел? — наконец, спросил свет.

Тамес подумал прежде, чем заговорить. Отчего-то ему казалось важным найти тот самый, единственный верный ответ. Даже если это видение... Однако ответ не спешил отыскиваться.

— Я шел, чтобы найти здесь бога. Или удостовериться, что его тут нет.

— Ну, что-то ты уже нашел, — хохотнула пустота. — Что дальше?

Ученый пообвыкся с тем, что говорит с воздухом — настолько, что нашел в себе силы для иронии.

— Да уж, нашел туман и прах, — хмыкнул он.

— Так лучше?

Голос раздался из-за спины. Обернувшись, Тамес увидел себя самого. Свою точную копию, вплоть до ссадины на скуле и грязных пятен на балахоне, оставшихся после блуждания по подземельям. Второй ученый вскинул брови:

— А кого ты ожидал увидеть? Старца в белом? Воина, как Солнечный Владыка?

Тамес молчал. Двойник сбивал его с толку, не давал сосредоточиться. Похоже, Белый Господин и сам это понял. Он присел рядом, так что оба теперь смотрели на танец пылинок и могли разговаривать, не глядя друг на друга.

— Я шел, чтобы понять, кто такие боги, — медленно проговорил ученый. — Это древнее суеверие или мы сами их забыли. И, если они есть, то почему молчат. Ты единственный, кто еще остался... с тех времен.

— А ты не думал, что так лучше? Слепота и глухота? — спросил второй Тамес. В такт его словам терн шевелил ветвями на невидимом ветру.

— Лучше кому?

Вместо ответа владыка заговорил о другом.

— Представь себе налогового откупщика в южных пределах. На краю степей. Он никогда не видел Царя Царей. Лишь изредка в его городок захаживают слуги лучезарного. Приедет чиновник из большого города. Или местный князь назначит хранителя ближайшей крепости. Ах да, Царь Царей еще являет волю в эдиктах. Значит ли это, что лучезарного нет? Наш откупщик и не увидит его, никогда в жизни. Только может — если преуспеет — встретит тех, кто видел царя издалека.

— О чем ты? — спросил ученый.

— О том, что ты хочешь того же. Твой бог не будет ступать по земле. Он будет пылью в луче света, духом, следящим взглядом... Но у него будут избранные жрецы, кому он станет диктовать волю, жрецы-чиновники, ее исполняющие... и может, если они станут служить усердно — увидят тех, кто говорил с ним. Божье царство — этого ты хочешь? С богом вместо Царя Царей?

— Можно просто не быть глухим.

— С этого все начинается... — двойник помолчал, словно давая ему вдуматься. — Даруй нам победу, возопят сторонники безродного узурпатора. Даруй нам победу, вторят слуги законной власти. Пройдет немного времени, и все крестьяне начнут молить о мире. Кому прикажешь помогать?

— На то и бог, чтобы знать лучше смертных.

— Бог знает, что смертные грязны и мельтешат, как мыши, — отрезал владыка. — Божье царство! — он фыркнул. — Бог-мудрец удалится в храм, как в сад медитации. Он станет созерцать гармонию, а жрецы будут бороться за усиление не то владыки, не то власти храма. А вот бог-правитель. Должно быть, он не только прижмет жрецов к ногтю, но и проследит за поставками ячменя и благовоний.

— Но ведь не обязательно... — начал Тамес, когда двойник перебил его:

— Обязательно. Бог должен быть далек, иначе перестанет быть собой. В вашей-то кутерьме и возне. Он предлагает путь, но никогда, ничего — не дает здесь. Иначе станет хуже Царя Царей — базарным менялой. Услуга за услугу. Путь потерял бы смысл.

— Чудеса века легенд... — вдруг вспомнил Тамес.

— ...делали колдуны, в ту пору все они были жрецами, — закончил за него владыка. — Твои собратья правы. Но это не дает ни одного ответа. Истинным богам безразличны смертные. Тот, кто утверждает обратное, лжет. Или просто глупец.

— Скажи это жрецам.

— Зачем? — Владыка совсем по-человечески царапал ногтем полы одеяния, счищая с них грязь. — Есть путь... и только он важен. Что делают жрецы, не имеет значения.

— Тогда что же вам от нас нужно? — не выдержал ученый.

— Тебе не кажется, что это вам нужно? День за днем.

На время воцарилось молчание. Владыка оставил в покое балахон и хрустнул пальцами.

— Кто ты? — в третий раз спросил Тамес. — Зачем все это рассказываешь?

На сей раз его собеседник ответил.

— Зачем рассказываю... Ну, ты ведь понял, что шел сюда не за этим. Кто я, ты догадался по пути.

«Да?» — хотелось переспросить ученому.

Впрочем... что-то в нем и впрямь откликалось. Сила... Когда он шел, казалось, он плывет по океану чар. Когда отец сплетал потоки, он взывал ней. «Шáлвет! — восклицал маг. — Владыка бурь и семи сводов неба, повелитель царства воздуха Амент! Гралкát, царь пустынь и кряжей и отец-земля!»

Бог, дух и сила. Отец бы понял разницу... но ему это было не нужно: в конце концов, он не был отрицателем. Отец взывал к духам, направлял силу и посмеивался над жрецами. Даже насмешка выходила беззлобной. Он относился к жрецам, как к детям.

— Я пришел... просить за брата, — наконец, выдал Тамес. — Но ведь тебе нет до нас дела.

— Ты ошибаешься, — мягко ответил его двойник. — Ты пришел в мое царство, сколько ни сопротивлялся. Ты стал частью пути, а путь — единственное, что имеет значение.

— Ты можешь помочь?

Тамес впервые обернулся к владыке и заглянул в глаза. Тот усмехнулся, но невесело.

— Я могу сделать то, что ты хочешь. Я бы не назвал это помощью. Но как это называть, решать не мне.

Ученый непонимающе нахмурился, и двойник сжалился:

— Мир устроен просто и гармонично, достойный Тамес. В нем ничего не является из ниоткуда и не уходит в никуда. Да, твой брат будет жить. Я могу дать тебе больше, — владыка вздохнул, — такое будущее, в прошлом которого Джедд не умирал. Но все имеет обратную сторону. Жизнь за жизнь.

— Зачем тебе моя жизнь? — удивился ученый.

— Мне? — двойник скривился. — Бездна, да сколько ж вы о себе думаете! И кто из нас глух, если ты ничего не слышал? Мне от тебя не нужно ничего. Это ты пришел и у тебя есть

просьба. Я могу сделать, как ты хочешь, потому что... это часть пути. Но он такой, какой есть, с этим придется смириться. Или уходить ни с чем. Так и так ты оставишь меня в покое.

Тамес опустил голову, пряча смятение. Это было все, чего он добился. Кто бы тот ни был, владыка и так сказал слишком многое. Зачем? Это был тот же вопрос, что и «Кто ты?», только иначе заданный.

«Я брежу», — сказал он себе, но не очень убедительно. Владыка ждал, лениво водя по земле пальцем, выписывая странные, понятные лишь ему загогулины.

«Может, в них и вовсе нет смысла... Дыхание Бездны, о чем я думаю!» — обругал себя ученый.

Он был не готов к такому повороту, он все представлял себе иначе. Он вышел из столицы через Царские ворота, надеясь вернуться через две луны и разнести весть о падении владыки. Прошагал половину Золотого тракта, встречая последователей чуть ли не в каждом городе.

Движение пальца... неровная линия в пыли...

Он написал две книги, копаясь в документах и излагая хронику Круга магов. Он стал известен, а пухлые трактаты с его именем изучали в обителях чародеев. Но он по-прежнему оставался баловнем судьбы, родившимся в знатной семье, и не знал, зачем ему эти книги.

Росчерк, дуга, прошедшая по мху на ближайшем камне...

В столице его ждала женщина. Он не любил ее и, быть может, она отвечала тем же. Как бы там ни было, путешествие на восток показались ему важнее. Только вот оно ничего не дало: ни долгий путь, ни спуск в Логово.

То был запутанный иероглиф... Как подпись Царя Царей, в которой уместаются все его титулы. Точно замороженный, Тамес следил, как линии и штрихи складываются в незнакомые слова.

«Чего он от меня хочет? Самоубийства? Ведь это то, что он предлагает на деле!»

Он запустил руку в волосы и крепче сжал кулак. Может, хоть боль прогонит проклятый сон?

«Надо уходить... Жрец обещал, что я найду дорогу. Всего несколько минут...»

Тамес встал, набрав в грудь воздуха, чтобы отказаться, но вместо этого с губ сорвалось:

— Я согласен.

Владыка выждал пару вздохов, словно давая время опомниться, и переспросил:

— Жизнь за жизнь?

— Да.

— Тогда пойдём. Ты найдёшь свои ответы.

Двойник тоже встал и остановился у обрыва, на самом краю зияющей пустоты. Оглянулся, приглашающе протянув руку. Еще одна проверка? Тамес вложил свою ладонь в его — поскорее, не задумываясь, пока не успел достаточно испугаться.

В свет они шагнули одновременно.

Несколько мгновений в глаза ему смотрела холодная и безучастная пустота — затем пришло чувство полноты. Как будто он раскрылся сам себе, понял до кончиков волос. Затем был Джедд, отец, Кетáрра... мать, которую он совсем не помнил...

Похоже на мозаику, что становилась больше с каждым вздохом. Ударом сердца. С каждым мгновением.

Дийяр, захлебывающийся собственной пылью. Столица...

Как будто на него взвалили невыносимую тяжесть. Будто знание сейчас погребет его под собой.

Царство. Рассветные земли и страны далеко за Внутреннем морем...

Он видел. Слышал. Знание распяло его над землей, но тянуло еще дальше. Глубже.

Прошлое. Будущее...

Это было больно, и он словно становился больше, вбирая этот мир в себя. Неужели он хотел этого? Должно быть, он сойдет с ума.

Этот мир и то, что вне его...

Тогда-то он по-настоящему, впервые в жизни испугался. Наверное, он кричал от ужаса — но так и не услышал себя. Всего несколько мгновений, не более.

Потом ему стало все равно.

* * *

Они решили спускаться в Логово в сумерках: когда солнце скроется за Бычьим утесом, а над стеной проступят Гончие Псы — две звезды, всю ночь следующие за луной по небосводу.

— Он мертв, — бесцветно произнес верховный жрец, едва они ступили в храм. — Он давно должен был выйти.

— Мальчишка... Туда ему и дорога, — Газд сплюнул бы, кабы не святое место.

Аджах порывался ответить и наверняка что-то нелестное. Но он всегда похвалялся тем, как владеет собой, так что смолчал.

— Этот мальчишка из знатной семьи, — наконец спокойно произнес он. — И довольно известен. Его могут хватиться.

— Мы все обсудили. Еще пока он сюда шел.

Карлик не знал, что это нашло на верховного и с чего вдруг так трястись над столичным гостем. Все было обговорено, когда весть от соглядатаев в столице только-только пришла. Газд и прежде считал, что жрец слишком возится с юнцом, тот вряд ли навредил бы храму всерьез. Но верховным был Аджах. Карлику хватало небольшого войска, рассеянного по всему Царству. Он не соваться в дела жрецов.

— Наверняка ты переусердствовал с наркотиком, — проворчал старик. — Твой отрицатель сейчас пускает слюни где-нибудь вниз.

Газд заметил, как напряглись желваки верховного. Такой промах был бы хуже публичной порки. Но и теперь самообладание выдержало. Жрец лишь ускорил шаг, так что карлику пришлось поторопиться, чтобы поспеть за ним.

За столетия жизни над Логовом жрецы научились сопротивляться туманам. Состав принимали ежедневно, так что Газд знал: у него выработался иммунитет, и он никак не мог поддаться действию исходящих из земли испарений. И все же карлик побаивался этого места. Мгла струилась по земле, призрачными щупальцами обволакивала ноги. В боковых пределах звучал систр — то послушники исполняли ежевечернюю мистерию владыки.

Более всего Газду хотелось предоставить юнца самому себе. Пускай гниет в Логове, если не сумеет выбраться! Но Аджах прав: это представление еще может сорвать рукоплескания. Свою роль нужно отыграть до конца.

— Я все отмерил с точностью до капли, — говорил верховный, когда они спускались вниз. — Больше, чем обычно, ведь нужно, чтобы он бредил. Но по силам взрослому мужчине. Нет, дело в другом...

Старик поежился. Ему и впрямь казалось, что сегодня все не так. Туман был гуще и холоднее обычного.

— Не будем гадать, — наконец предложил он. — Быстрее спустимся — быстрее найдем щенка.

Одиннадцать пещер. Одиннадцать подземных залов, укутанных мглой. Не так уж много, если знать их наизусть, но одурманенному разуму они покажутся глубинным царством. Масляные лампы легко разгоняли туман — поэтому паломники всегда входили в Логово днем, когда блеклый, сочащийся с полочка свет едва рассеивал темноту.

Они разделились, договорившись встретиться у лестницы, и Газд направился в зал по левую руку, затем в узкий лаз, соединяющий его со следующим. Плотная гнетущая тишина быстро обступила его, только мелкие камешки хрустели под ногами. В холодной мгле неровности стен и каменные обломки казались проступавшими из темноты руинами.

Движение за кругом света. Мальчишка? Аджак? Или туман играет в понятные лишь ему игры? Даже огонек в лампе — и тот словно дрожал от холода. Или же посмеивался над незадачливым карликом. Не поймешь...

Газд испытал облегчение, обойдя свою часть и вернувшись к лестнице. Из глубины пещер доносились странные, искаженные пеленой звуки. Наверное, то Аджак еще продолжал поиски. И все же казалось, что потревоженный зверь ворочается в полусне, устраивается поудобнее, прежде чем вновь погрузиться в дрему.

Что ж такое! Старик никогда не любил Логово, но знал его, как свои пять пальцев. За годы службы храму он не сталкивался с подобным.

Газд вздрогнул, когда верховный вынырнул из мглы ему навстречу.

— Ничего? — сразу спросил Аджак.

— Ничего. Ты что... тоже ничего не нашел?

— Разве что вот это...

Жрец показал бесформенную и порядком грязную тряпицу.

— Это набитая травами маска, — пояснил он. — Бодрит и очищает мысли. Наш отрицатель не так уж глуп...

— А сам он? Или хотя бы тело?

Жрец молчал, не давая ответа. Зверь ворочался: с глухим утробным звуком двигались несуществующие стены, с шелестом оседала на пол несуществующая пыль. Газду почудилось, что он слышит треск дерева.

— Ты чувствуешь? — коротко спросил жрец.

Они оба знали, что именно, и все же карлик ответил:

— Не знаю... я не уверен.

— Ты чувствуешь, — утвердительно, почти довольнo повторил Аджак.

Дюжину ударов сердца они стояли и всматривались в темноту. Вслушивались в неясные причудливые звуки. Наконец, верховный подытожил:

— Мы его не найдем. Сколько бы ни искали.

— Ты что имеешь в виду? — насторожился карлик.

— Это звучит Логово, — невпопад ответил верховный. — Его потревожили, и теперь оно успокаивается.

За долгую жизнь карлик многое повидал и много боялся на своем веку. Но то был простой и честный страх: ясный враг и исходящая от него угроза. Но не в этот раз. Во мгле таилось нечто, отчего волосы на затылке шевелились, а жесты стали неловкими и деревянными. Газд был на грани и туманные слова жреца подтолкнули карлика за нее.

— Что ты имеешь в виду? — почти выкрикнул он. Старческий, и без того дребезжащий голос сорвался на фальцет.

— Владыка забрал его к себе, — обернулся Аджак.

— Да-да, красивая сказка, я сам ее расскажу еще сотни раз! Какой, в Бездну, владыка? Где тело? Что произошло? Ты можешь объяснить?

Вместо ответа верховный со всей силы толкнул подручного в проем ведущего наверх хода. Они повалились на неровные ступени, карлик охнул от боли.

— Тише ты, глупец! — прошипел жрец.

Он взял старика за шкуру и, приподняв над землей, поставил на ноги. Ноги не слушались Газда. Жрец несколько раз подтолкнул его в спину, пока до карлика дошло, что они уходят.

— Владыка снов, — говорил в спину Аджак, пока они ступень за ступенью карабкались вверх. Старик едва слышал его: голос звучал невнятно и глухо, как из-под одеяла. — Я читал, что такое было в истории Дома. Всего пару раз. Он забирает их.

Встряска и монотонный подъем привели карлика в чувство. С каждым шагом дышалось легче. Туман еще клубился и словно складывался в силуэты, но они уже возвращались... худшее осталось позади.

— Ты... — голос не сразу послушался старика, — хочешь сказать, он существует?

— Должно быть. Хотелось бы верить. В конце концов, я его верховный жрец.

Аджах усмехнулся. В нем словно появилась некая новая сила. Новая уверенность. Карлик не разделял его восторгов. Таящееся под храмом было чуждо, чудовищно и смертельно холодно. Старые кости ломило от его дыхания, сердце по-прежнему испуганно колотилось.

— Что теперь делать? — чтобы отвлечься, спросил Газд. — Ты сам говорил, что мальчишку хватятся.

— Придумаем. Теперь... теперь-то я уверен, — просто заключил жрец.

Мгла наверху стала чуть светлее. Совсем скоро они выберутся на поверхность. В знакомый мир, где все привычно и понятно, и все решают золото, клинки и магия.

— Я... не понимаю твоей уверенности, — почти совсем спокойно произнес старик. — Ты ведь... да не только ты, мы все бесчестим его. Нашими делами, дурманом. Всем этим маскарадом.

Аджах рассмеялся, спокойным, уверенным в себе смехом.

— О, об этом не беспокойся, — заверил он подопечного. — Может быть, они и чужды... может, они вовсе глухи и слепы к мольбам. Но у богов есть чувство юмора.

*Другие произведения автора, а также его статьи
и дополнительные материалы о мире Анхар
вы найдете на сайте:*

Vsevolod-Alferov.ru